

ЧЕТЫРЕ СТОЛПА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
(И. И. ЛЕПЕХИН, Т. С. МАЛЬГИН,
П. И. СОКОЛОВ, А. С. ШИШКОВ)

М. П. Лепехин

Продолжительность жизни Императорской Российской академии – уникального в отечественной истории ученого и литературного содружества бескорыстно трудившихся для блага русского языка и литературы лиц – составила немногим более полувека, а именно 58 лет: с 30 сентября 1783 г. (указ Екатерины II об ее учреждении) до 19 октября 1841 г. (указ императора Николая I о присоединении Российской академии к Императорской Академии наук в виде Отделения русского языка и словесности)¹. Много это или мало? И чем был обусловлен именно этот срок? Постараемся ответить на эти вопросы, рассмотрев судьбу основных ее деятелей – тех *четырёх столпов*, на которых, по нашему мнению, и покоилось величественное здание Российской академии.

¹Первым историографическим опытом Российской Академии явилось исследование А. И. Красовского: *Красовский А. И.* Опыт истории Императорской Российской академии от основания оной в 1783 году по 1840 год // ЖМНП. 1848. Ч. LX. Отд. III. № 11. С. 13–116. С наибольшей обстоятельностью деятельность Академии была рассмотрена М. И. Сухомлиновым в его монументальном труде: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1874–1888. Вып. I–VIII. Общее представление о ее деятельности дают работы: *Модзалевский Б. Л.* Список членов Императорской Академии Наук, 1825–1907. СПб., 1908; *Некрасов С. М.* Российская академия. М.: Современник, 1984; *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш.* Храм муз словесных (Из истории Российской академии). Л.: Наука, 1986; *Файнштейн М. Ш.* «И славу Франции в России превзойти...»: Российская академия и развитие культуры и гуманитарных наук. СПб., 2002.

Творцом Академии была Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810) – о ее заслугах написано немало, и едва ли стоит повторять уже сказанное². Укажем лишь на то, что она непосредственно руководила Российской академией первые одиннадцать лет – до своего отъезда за границу осенью 1794 г. Последующие семь с половиной лет, т. е. в отсутствие Дашковой, сохранявшей этот пост до 12 ноября 1796 г., и при в достаточной степени номинальном президентстве Павла Петровича Бакунина (12.11.1796–08.04.1798) и в начале президентства Андрея Андреевича Нартова (29.05.1801–02.04.1813)³ фактическое руководство Российской академией было осуществляемо ее неперменным секретарем Иваном Ивановичем Лепехиным (1740–1802)⁴; он же являлся высшим должностным лицом Академии в трехлетнее отсутствие президента (08.04.1798–29.05.1801). Скажем о нем несколько слов.

Внук симбирского однодворца, сын солдата-семеновца, в сознании современников именно Лепехин был вторым после его наставника и покровителя М. В. Ломоносова русским ученым, своими трудами снискавшим себе известность и всеобщее уважение. Этому немало способствовали личные качества Лепехина – неизменные трудолюбие, доброжелательность, скромность и бескорыстие, а также основательные познания в науках и административный дар. В первом собрании Российской академии 21 октября 1783 г. по предложению Дашковой Лепехин был избран ее неперменным секретарем. Именно Лепехину принадлежит четкое определение поставленных перед Академией задач – «ей предстало возвеличить российское слово, собрать оное в единый состав, показать его пространство, обилие и красоту, постановить ему непреложные правила, явить краткость и занимательность его изречений, и изыскать глубочайшую его древность»⁵. Не будет преувеличением сказать, что именно Лепехин с присущей ему деликат-

² Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М.: Наука, 1978; Смагина Г. И. Сподвижница Великой Екатерины. СПб.: Росток, 2006.

³ Кубасов И. А. Нартов А. А. // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. Нааке-Накенский – Николай Николаевич Старший. С. 68–70; Лепехин М. П. Нартов А. А. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 321–326; Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 575.

⁴ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1875. Вып. 2. С. 157–299, 451–525; Чечулин Н. Д. Лепехин И. И. // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. Лабзина – Ляшенко. С. 258–262; Фрадкин Н. Г. Академик И. И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. М., 1953; Лукина Т. А. Иван Иванович Лепехин. М.; Л., 1965; Биржакова Е. Э. Лепехин И. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 207–209; Лепехин М. П. Об Иване Ивановне // XVIII век. Сб. 26 (в печати).

⁵ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1874. Вып. 1. С. 15.

ностью ознакомил Дашкову с повседневной жизнью обеих вверенных ей академий и рекомендовал ей ряд нововведений. Упомянем лишь три: отмену внутриакадемической цензуры, ревизию академической книжной лавки с последующей продажей сильно залежавшихся изданий по сниженным ценам и упразднение Комиссии по переводам книг иностранных с передачей ее функций Академии наук, а денежных сумм, отпускавшихся на ее содержание, – Российской академии. В Академии наук к компетенции Лепехина было отнесено руководство академической гимназией, превращенной им в образцовое учебное заведение, содержавшееся в значительной степени из личных сумм Дашковой, а также выбор академических элевов. Знание Лепехиным действительного состояния дел в Академии наук и умение Дашковой распоряжаться средствами позволили сберечь до полумиллиона рублей академических сумм и уплатить все обременявшие Академию наук долги и недоимки без какой-либо помощи правительства. В отношении Российской академии Дашкова и Лепехин придерживалась тех же экономических принципов – представляемые императрице сметы поражали ее своей умеренностью.

В списке первых 34-х членов Российской академии, построенном по принципу социально-чиновной иерархии, Лепехин находился на 25-ом месте. Ученые замыкали данный список; Академию наук представляли (помимо Дашковой) С. Я. Румовский, И. И. Лепехин, С. К. Котельников, А. П. Протасов и Н. Я. Озерцовский. При этом выше Лепехина из ученых находились только ректор Московского университета профессор А. А. Барсов, а из коллег по Академии наук – только Румовский. Тем не менее, реальной иерархии внутри Российской академии это не соответствовало: именно Лепехин был в деятельности этого учреждения вторым главным действующим лицом после Дашковой. Став непременно секретарем, он добровольно возложил на себя бремя не только организационных хлопот, но и текущего делопроизводства, а также в необходимых случаях выполнял и обязанности переводчика, т. е. в буквальном смысле слова работал за троих, отказавшись в пользу Академии от полагавшегося по штату второго и третьего жалованья. При этом, за все время своего секретарства Лепехин не пропустил ни одного заседания Академии – в последний раз он был в ней за 8 дней перед кончиной.

Помимо административной деятельности, Лепехин принимал активное участие и в научных трудах Российской академии. Он входил в состав обеих комиссий по изданию академических словарей, принимал участие в рассмотрении всех поступающих в Академию работ и наблюдал за публикацией всех ее трудов. Лепехин был первым, кто был удостоен награжде-

ния золотой медалью Российской академии, которую 25 ноября 1784 г. митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров) предложил вручить Дашковой и которой та сочла должным наградить Лепехина. Шестнадцать лет спустя Лепехин был удостоен еще одной высшей академической почести. Вскоре после его 60-летия, на заседании 27 октября 1800 г., Российской академией, по предложению А. Ф. Севастьянова, было решено поместить портрет своего неперменного секретаря в зале заседаний. Это было первое заседание Академии в подаренном ей Павлом I доме; произнесенная Лепехиным речь по поводу обретения «нового пристанища» и 17-летия Академии заканчивалась призывом: «да усугубим рачение наше, да приложим труды к трудам!»⁶. В своей речи Севастьянов обосновал сделанное им предложение «украсить сие зало собрания его избображением» весьма рациональными доводами: «Хотя, по принятому обычаю, которого причины я не могу постигнуть, должную достоинства награду воздают только по смерти, но может ли она быть приятна хладному, бесчувственному праху?»⁷. Для того, чтобы по достоинству оценить оказанную Лепехину почесть, следует напомнить, что, помимо портрета императора, зал Академии был украшен лишь портретом Ломоносова. О скромности Лепехина свидетельствует то, что после единогласного принятия сочленами предложения Севастьянова портрет первого неперменного секретаря Академии так и не был помещен в зале заседаний при его жизни – он был заказан А. А. Нартовым живописцу П. Алькину-Спартанскому⁸ лишь в 1808 г. вместе со своим собственным.

В отношении социального статуса судьба Лепехина сложилась более благополучно, чем у большинства его коллег (после Ломоносова во второй половине XVIII века больших наград и отличий со стороны власти удостоился только П.-С. Паллас – не только в знак признания своих выдающихся научных заслуг, но и в качестве особы, приближенной ко двору). В 1799 г. Павел I пожаловал Лепехина чином статского советника, а в 1801 г. Александр I наградил его орденом Св. Анны 2-й ст. – по представлениям того времени, именно эти награды являлись наиболее убедительным доказательством того, что «вся жизнь почтенного мужа протекла в трудах полез-

⁶ Там же. Вып. 2. С. 291.

⁷ Там же. С. 294–295.

⁸ В настоящее время находится в Малом конференц-зале Санкт-Петербургского научного центра РАН. Об авторе портрета см.: Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь. М., 1970. Т. 1. С. 120.

ных для наук и Отечества» (В. А. Поленов)⁹. Последние годы жизни Лепехина были омрачены болезнями единственного сына и собственной (водянка), а также служебными и бытовыми неурядицами. Существовая с семьей лишь на скромное академическое жалованье, скончался Лепехин в 1802 г. на 62-ом году жизни в пристойной бедности – собственного жилья он никогда не имел, а имущество его состояло более в книгах, нежели в деньгах. Похоронен Лепехин на Волковом кладбище; могила не сохранилась.

Директорство Дашковой при непререваемом секретарстве Лепехина составляет лучшую (хотя бы в отношении наибольшей продуктивности) эпоху в жизни Российской академии. Но возможно ли о каком-либо явлении судить по наиболее ярким его проявлениям, оставляя без внимания стороны менее заметные? Так мы переходим к рассмотрению второго столпа академии, бывшего, по мнению Сухомлинова, «полной противоположностью Лепехина»¹⁰, – а именно к Тимофею Семеновичу Мальгину (1752–1819)¹¹. Избрать Мальгина в члены Академии предложил в 1791 г. Лепехин, который знал его до того на протяжении четверти века, – и не ошибся в выборе. Переведенный из псковской семинарии в академический университет, Мальгин сопровождал Лепехину в обеих его экспедициях и поначалу считался наряду с Н. Я. Озерецковским наиболее способным его учеником. По возвращении в столицу в 1774 г. и сдаче экзаменов Мальгин не пожелал остаться при Академии наук и поступил на службу в Сенат; в отставку он вышел около 1785 г. коллежским асессором и всецело посвятил себя собственным литературным и научным трудам. Из сочинений Мальгина наиболее примечательны исследования о различных сторонах жизни Древней Руси – вооружении, нумизматике, международных отношениях, судопроизводстве. Наибольшую известность Мальгину принес его труд «Зерцало российских государей» – наиболее популярный учебник русской истории в докарамзинскую эпоху. В 1789–1794 гг. «Зерцало» выдержало три издания; работу над подготовкой 4-го автор не прекращал до кончины. Мальгин жил в себе и для себя – как один из первых отечественных «древностелобцев» он был страстным коллекционером рукописей и монет. Мы позволим себе не согласиться с Сухомлиновым по поводу противопостав-

⁹ Поленов В. А. Краткое жизнеописание И. И. Лепехина // Труды Российской академии. 1840. Ч. 2. С. 207–215.

¹⁰ Сухомлинов М. И. История... Вып. 5. С. 59.

¹¹ Сухомлинов М. И. История... Вып. 5. С. 27–59, 308–317; Корнилович О. Мальгин Т. С. // Русский биографический словарь. М., 1999. Т. Маак – Мятлев. С. 65–66; Лепехин М. П., Моисеева Г. Н. Мальгин Т. С. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 271–272.

ления гениальности и посредственности – это понятия относительные и умозрительные. Контраст между учителем и учеником был в ином: если Лепехин был прежде всего человеком европейской культуры, чувствовавшим себя в равной степени свободно в Страсбурге, в Санкт-Петербурге или в оренбургских степях, то Мальгин нес на себе печать русской самодостаточности и по-настоящему был привязан лишь к Российской академии, да к своему жилищу. Пройдя в юности вместе со своим учителем всю значительную часть России, после 1774 г. Мальгин ограничил себя столицей, не испытывая желаний даже посетить родной Псков. В Петербурге же Мальгин ограничил себя Васильевским островом, еженедельно покидая его лишь для заседаний Академии (до переезда ее в новое здание), да изредка – по издательским делам. Причина столь «совершенной самоизоляции» была весьма прозаическая – бедность: при скудости академического жалования Мальгин не имел даже этого регулярного подспорья, существуя за счет натурального хозяйства (ему принадлежал обширный участок с огородами между Большой и Средней першпективами на 14-й линии – ныне на этом месте дом № 23); скудные доходы от продажи собственных сочинений уходили на пополнение коллекции книг, рукописей и монет.

В Российской академии на протяжении почти трех десятилетий Мальгин был едва ли не самым ревностным участником ее трудов – с момента своего избрания и до кончины он не пропустил ни одного заседания. Наибольшее усердие Мальгин проявлял в трудах по подготовке обоих изданий словаря – им были объяснены все термины, относящиеся к судопроизводству, а также большинство архаизмов. За свои бескорыстные труды Мальгин дважды (в 1800 и 1801 гг.) был награжден золотой медалью. Если в 1790-е гг. Мальгин воспринимался как весьма полезный член ученого сообщества, то течение реки времен в 1810-е гг. лишило его той точки опоры, которой он привык считать для себя Российскую академию. Склонность Мальгина высказывать свое мнение по любому поводу, поучать собратий построенными по устарелым риторическим правилам речами, придавать весьма серьезное значение своей полемике с разномыслящими сочленами вынуждали молодое поколение воспринимать его как реликт екатерининской эпохи. Укажем лишь, что Мальгин был единственным, кто выступил против избрания Н. М. Карамзина в члены Российской академии – за «недостаток патриотизма»; подготавливаемое едва ли не на смертном одре 4-е издание «Зерцала» было посвящено полемике с Карамзиным¹². Всю жизнь Мальгин трудился на благо Академии без како-

¹² Лепехин М. П. Об одном неосуществленном замысле Тимофея Мальгина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984. С. 29–73.

го-либо вознаграждения, издавая свои сочинения на собственный счет и щедро раздаривая их сочленам. Ни одно академическое поручение (включая хозяйственные) не оставалось им неисполненным. Эта преданность была вознаграждена, когда в 1819 г. Мальгин скончался в совершенной нищете, а его двум взрослым незамужним дочерям не на что было похоронить отца – по предложению А. С. Шишкова погребение самого усердного сотрудника было осуществлено за счет родной ему Российской академии (ранее погребения на ее счет был удостоен только президент Академии А. А. Нартов). Похоронен Мальгин на Смоленском кладбище; могила не сохранилась.

Одной из величайших заслуг Лепехина перед Российской академией явилась подготовка им себе преемника в лице Петра Ивановича Соколова (1764–1835)¹³, которому он покровительствовал с 1783 г., т. е. с момента его перевода из Славяно-греко-латинской академии в академическую гимназию. Уже со следующего года студент Соколов занимался «исправлением дел» Российской академии и ревизией книжной лавки Академии наук. В 1792 г. Соколов был избран приобщником, а с 1793 г. – действительным членом Российской академии. В том же году он был награжден от нее большой золотой медалью «за ревностное участие в составлении словаря». Изданный впервые в 1788 г. труд Соколова «Начальные основания российской грамматики», представлявший собой сокращенное изложение «Российской грамматики» Ломоносова, до 1829 г. выдержал 7 изданий общим тиражом свыше 200 000 экз. и принес Соколову славу крупнейшего знатока русского языка – этот лавровый венок покоился на его голове до появления в 1831 г. «Русской грамматики» А. Х. Востокова. По кончине Лепехина Соколов был избран непременным секретарем Российской академии и нес это бремя 33 года вплоть до своей кончины, совмещая эту должность с прочими обязанностями. На протяжении 29 лет Соколов был главным редактором «Санкт-Петербургских ведомостей», с 1797 г. был унтер-библиотекарем, а с 1819 г. стал директором I отделения (т. е. всего русского фонда) Библиотеки Академии наук¹⁴.

Российская академия оказалась многим обязана административным способностям Соколова. Свидетельством его заслуг является здание

¹³ Сухомлинов М. И. История... Вып. 7. С. 387–397; Модзалевский Б. Л. Соколов П. И. // Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. Смеловский – Суворина. СПб., 1909. С. 63–65; Лепехин М. П. Соколов П. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3 (в печати).

¹⁴ Лепехин М. П. Петр Иванович Соколов – хранитель Библиотеки Академии наук // 275 лет Библиотеке Академии наук СССР: Сб. науч. тр. СПб., 1991. С. 232–245.

Академии на 1-й линии Васильевского острова, сооруженное под его непосредственным надзором (Соколов был секретарем строительного комитета Российской академии). Заслугой Соколова является приобретение у Московского архиерейского подворья примыкавшего к памятному в истории Академии наук «Бонову дому» здания с участком – в торги в 1800 г. он умудрился вовлечь даже императора Павла I, повелевшего отдать землю Российской академии даром. В 1802–1804 гг. архитектор А. А. Михайлов построил центральный корпус спроектированного им комплекса зданий. Позднее В. П. Стасов переработал незавершенную часть проекта и в 1811–1814 гг. осуществил постройку флигелей, а в 1818 г. сумел вписать в ансамбль еще и типографский корпус. Открытие типографии Российской академии также можно считать заслугой Соколова, который за 13 лет управления ею значительно преумножил капитал типографии, составивший к моменту его кончины более 150 000 руб.

Лично известный трем императорам – от Павла I до Николая I – Соколов неизменно пользовался их благоволением: так, Николай I публично выразил благодарность Соколову за мужество, с которым тот, стоя в оконном проеме, втаскивал веревкой в здание Российской академии утопавших во время наводнения 1824 г. Феноменальная трудоспособность и практичность Соколова, склонного лично решать все относящиеся к Академии вопросы на всех уровнях – от тяжбы в Сенате до надзора за мощением двора и укладкой дров, – сделало его известным в столице. Карьера Соколова сложилась весьма благополучно – в 1824 г. он был произведен в действительные статские советники, а полувековая служба в обеих академиях, совмещение дополнительных должностей и прикосновенность к казенным поставкам сделали его достаточно состоятельным человеком. Скончался Соколов весьма благостно – в служебной квартире в здании Российской академии за чтением последнего листа корректуры «Словаря» – «на ците», как заметил об этом А.С. Пушкин¹⁵. Соколов был похоронен на Смоленском кладбище; памятник сохранился¹⁶.

С кончиной Соколова началась затяжная агония Российской академии. Последним столпом, на котором она держалась, оставался Александр Се-

¹⁵ Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.: Гослитиздат, 1935. Т. 3. С. 581.

¹⁶ Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга: Василеостровский район / Под ред. Б. М. Кирикова. СПб., 2005. С. 611–612.

менович Шишков (1754–1841)¹⁷. Александр I, соглашаясь с собственной просьбой Шишкова о назначении его на место скончавшегося в 1813 г. президента Академии А. А. Нартова, добавил, что он «со свечкою не същет лучшего человека». Действительно, Шишков с момента своего избрания в 1796 г. на протяжении сорока пяти лет принимал самое деятельное участие в работе Российской академии – более того, его трудами наполнялись почти все ее заседания и издания. По мнению М. И. Сухомлинова, «укоры, падавшие на академию за ее бездействие, никаким образом не могли относиться к Шишкову, который, по отзыву современников, работал один за всех»¹⁸. Тем не менее, принадлежность Шишкова к старшему поколению, его архаичные литературные взгляды в условиях ожесточенной борьбы между архаистами и новаторами 1810–1820-х гг. оказали Российской академии дурную услугу: новейшая литература от Академии отшатнулась, и если не сделала ее объектом насмешек как нечто ретроградное, то старалась держаться в отдалении от нее. Сам же Шишков стремился не допустить в Академии споров на литературные темы, всецело подчинив ее задаче лингвистических исследований – в частности, славяноведения. Несомненной заслугой Шишкова является приглашение в Российскую академию Карамзина, Жуковского и Пушкина¹⁹.

Уже с середины 1820-х гг. коллегиальная деятельность Российской академии начала приходить в упадок – заседания собирали немногих членов. В последнее пятилетие ее существования Шишков уделял Академии все меньшее внимание: на склоне лет он торопился завершить свой главный труд – составляемый им более полувека «Морской словарь». Опоры же у Шишкова не было. В свое время, узнав о кончине Соколова, Пушкин в письме И. И. Дмитриеву отметил: «Неизвестно, кто будет его преемником. Святое место пусто не будет; но место непременно секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено»²⁰. Преемником Соколова был назначен Дмитрий Иванович Языков (1773–1845)²¹, всего лишь за два года до того избранный членом Академии, обладавший и немалыми познания-

¹⁷ Сухомлинов М. И. История... Вып. 7. С. 187–136; Стоюнин В. Я. А. С. Шишков. СПб., 1880; Троицкий В. Шишков А. С. // Русский биографический словарь. Т. Шебанов – Шютц. СПб., 1911. С. 316–320.

¹⁸ Сухомлинов М. И. История... Вып. 7. С. 196.

¹⁹ Модзалевский Л. Б. Пушкин – член Российской академии (По материалам Архива Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2/3. С. 247–249.

²⁰ Пушкин А. С. Письма... Т. III. С. 582.

²¹ Сухомлинов М. И. История... Вып. 7. С. 154–156; Языков Д. И. // Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. Яблоновский – Фомин. С. 35–38.

ми, и должным трудолюбием, но не имевший и малой части практического и житейского опыта своего предшественника. Кабинетный ученый, Языков видел в своем назначении на эту должность прежде всего возможность иметь казенную квартиру с дровами, пользоваться академической библиотекой, иметь существенную прибавку к пенсии, а главное, уединенно работать, не отвлекаясь на изрядно утомившие его за тридцать лет службы в Министерстве народного просвещения административные обязанности. Во всем занимаемом Российской академией пространстве Языкова интересовали только его кабинет и сад, где он находил отдохновение от многотрудных археографических занятий. Само же здание Академии, величественное и безлюдное, при Языкове пришло в совершенное запустение – в перенаселенной столице оно стало тайным пристанищем для бесприютных лиц, употреблявших на растопку издания Академии, которыми были забыты чердаки²². И Шишков, и Языков стремились прежде всего успеть завершить собственные труды; заседания Академии начали проходить нерегулярно, да и приходили на них единичные члены. Об Академии в обществе совершенно забыли, а если и вспоминали – то с явной насмешкой: время для уважительного отношения к трудам по славянскому языкознанию еще не наступило. Кончина 87-летнего Шишкова 10 апреля 1841 г. предопределила конец и самой Российской академии – 19 октября 1841 г. Николай I издал указ о присоединении Российской академии к Академии наук в виде II Отделения, позднее преобразованного в Отделение русского языка и словесности. Так в одночасье повалилось созданное двумя поколениями величественное нерукотворное здание храма российской словесности; рукотворное же здание было передано Римско-католической академии.

Что послужило причиной угасания Российской академии? Бесспорно, она явно пережила отведенный ей срок жизни. «Век Екатерины благоприятствовал основанию Общества хранителей Российского слова»²³, однако Николаевская эпоха, которую принято считать золотым веком русской литературы, оказалась все же более благосклонной к индивидуальной гениальности, нежели к коллективным ее проявлениям: угасание всех литературных обществ, кружков и салонов представляется закономерным. 58-летнее существование Академии сделало ее сопричастной жизни двух поколений, но если в конце XVIII века она была храмом отечественной словесности и одним из центров активной литературной жизни, то уже с начала 1810-х гг. значение ее стало неуклонно снижаться. С середины

²² Милоков А. П. Воспоминания о Д. И. Языкове // Милоков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 25–51.

²³ Красовский А. И. Опыт истории Императорской Российской академии... С. 13.

1820-х гг. Академия перестала оказывать какое-либо влияние на современный литературный процесс. Имевший с Соколовым и Шишковым личные счеты А. Ф. Воейков в последней редакции «Дома сумасшедших» нелюбезно охарактеризовал обоих:

Вот он с харей фарисейской
Петр Иваныч осударь,
Академии Расейской
Непременный секретарь.
Ничего не сочиняет,
Ничего не издает,
Три оклада получает
И столовые берет.
На дворе Академии
Гряд капусты накопал,
Не приют певцам России,
Он лабаз для дехтю склал.
В Академиях бывают
Мерины, бывали встарь;
В нашей двое заседают —
Президент и секретарь²⁴.

Даже если сделать поправку на исключительную ядовитость Воейкова (члена Российской академии с 1819 г.), следует признать, что такой взгляд на Академию стал едва ли не общим с середины 1830-х гг.

Уже для А. В. Никитенко и П. А. Плетнева большинство членов Российской академии представлялись тенью прошлого. Середина XIX века для русской и славянской филологии стала периодом собирания сил, и лишь в последней трети XIX века труды И. И. Срезневского, Я. К. Грота, М. И. Сухомлинова, Л. Н. Майкова, а с начала XX века — деятельность А. А. Шахматова, Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского вернули Отделению русского языка и словесности Академии наук то значение в историко-литературном процессе, которое веком ранее занимала Российская академия.

²⁴ Поэты 1790–1810-х годов / Предисл. и примеч. Ю. М. Лотмана. Подг. текста М. Г. Альтшуллера. Л., 1971. С. 804.